

Рецензия на кн.: Зорин А. Жизнь Льва Толстого: опыт прочтения / Пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 248 с.

Ключевые слова: биография; православие; непротивление; заповеди Христа; страх смерти; сексуальность

Новая книга Андрея Зорина – профессора Оксфордского университета и Московской высшей школы социально-экономических наук (Шанинка), представляющая собой переработанную версию английского издания и неожиданная, на первый взгляд, для исследователя русской культуры и идеологии конца XVIII – начала XIX вв.¹, тем не менее глубоко связана с общим контекстом его научных поисков. В одном из интервью А. Зорин четко обозначил свои ориентиры: «Меня всегда привлекала герменевтическая традиция, отчасти как она выглядит в теории семиосферы позднего Лотмана, но в большей степени я ориентируюсь на интерпретативную антропологию, основы которой разработаны Клиффордом Гирцем»².

Другим методологическим ориентиром, по собственному признанию автора, стала книга Г.О. Винокура «Биография и культура» (1927) (в частности, идея о том, что «биография – это своего рода синтаксическое развертывание человеческой личности»³, когда, например, нельзя понять юношу Лермонтова, если не знать о дуэли на склоне Машука, как

1См.: Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. – М., 2001 – 416 с.; Он же. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX вв. – М.: НЛО, 2016.

2«Я уже два года непрерывно сижу и читаю 90 томов Толстого». Андрей Зорин о жизни и творчестве автора «Войны и мира». – URL: <https://gorky.media/context/ya-uzhe-dva-goda-nepreryvno-sizhu-i-chitayu-90-tomov-tolstogo/>(Дата последнего обращения: 2.02.2020).

Клиффорд Джеймс Гирц (1926–2006), американский антрополог и социолог, родоначальник научного направления, полагающего изучение культурных смыслов ключом к изучению обществ. См., в частности: Гирц К. Интерпретация культур [1973]/ Пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2004.

3 Там же.

невозможно судить о Гёте – авторе «Вертера», если не помнить о Гёте-министре. «Мне казалось важным, – добавляет А. Зорин, – написать биографию через произведения. Идея описывать личную жизнь Толстого вне его прозы, публицистики и философии мне кажется не слишком продуктивной. Это важнейшая часть его биографии — может быть, даже более важная, чем все остальное, что с ним происходило»⁴.

Установка на то, что «произведения великих писателей и мыслителей не столько “отражают” жизнь их создателей, сколько составляют ее» (с.7), позволяет исследователю избежать характерных для отечественной традиции противопоставления Толстого-художника Толстому-мыслителю и разговора о присущих ему «противоречиях», представив жизненный путь писателя в его цельности и уникальной последовательности. Наряду с художественными произведениями, важнейшими источниками для постижения личности Толстого становятся его публицистика, дневник и письма, а также воспоминания и переписка близких ему людей (в том числе и архивные материалы).

При таком подходе к биографии анализ творчества неизбежен, и исследователю удастся в предельно сжатой форме тонко и точно охарактеризовать самую суть того или иного произведения.

Глубоко усвоив уроки Руссо, молодой Толстой, убежденный в природной чистоте человеческой природы и развращающем влиянии цивилизации, для своего литературного дебюта выбирает тему детства, традиционно ассоциируемую с Золотым веком невинности и единения с природой, реализуя в повести «Детство» (1852) новаторский подход: он отверг предполагавшуюся вначале форму мемуаров (ведь как взрослый мемуарист Толстой не мог не понимать истинную социальную почву этой идиллии) и перешел к «воссозданию мыслей, чувств и впечатлений десятилетнего ребенка – во всей мировой литературе это был один из первых опытов такого рода. Расположив повествование на тонкой грани между

⁴ Там же.

вымыслом и автобиографией, он сумел придать личному опыту универсальный характер, не поступившись при этом эффектом подлинности. Эта техника на долгие десятилетия станет безошибочно узнаваемым маркером толстовской прозы» (с.29). Первая публикация произведения, однако, нарушила этот выдержанный автором баланс: Н.А. Некрасов, в «Современник» которого Толстой отослал свою повесть, опубликовал ее – к негодованию автора – под заглавием «История моего детства».

Повесть была восторженно встречена публикой, как и последовавшее за ней продолжение – «Отрочество» (1854). Славу писателя упрочили «Севастопольские рассказы» (1855–1856), в которых он развил приемы, найденные им в «Детстве». Очевидец и участник описываемых событий, Толстой применил способ повествования, найденный в «Детстве» к описанию современной войны: писатель, замечает А. Зорин, «ведет рассказ о вымышленных персонажах от лица автобиографического повествователя, соединяя журналистский репортаж с моралистическими комментариями, психологическими наблюдениями и философскими выводами. Это позволяет ему представить анализ внутренних мотивов и побуждений героев, включая последние мысли умирающих, как документальные свидетельства» (с.34) – радикальное новаторство для середины XIX в. и для Европы, и для России. В «Севастополе в мае», сильно пострадавшем от цензуры, впервые проявился яростный пацифизм Толстого (который станет в дальнейшем одной из фундаментальных черт его мировоззрения) и осознание напрасно принесенных жертв. Он твердо решает завершить свою военную карьеру.

В 1857 г. Толстой отправляется за границу, посещает Париж, где видит становление так не похожего на российский деспотизм современного государства и отвергает его. Именно в Париже, пишет А. Зорин, формируется стихийный анархизм Толстого. В письме В. Боткину из Парижа он определяет государство как «заговор не только для эксплуатаций, но главное – для развращения граждан» (цит. по с.42).

Вернувшись в «противную Россию» с ее, как писал Толстой, «грубой, лживой жизнью», писатель в поисках путей вывода России из патриархального варварства, но при этом стремясь не отдать ее «машинальным» силам современной цивилизации, приступает к освобождению своих крестьян и к образованию крестьянских детей, основывая свою педагогическую систему на принципах, изложенных в «Эмиле» Руссо. Но вскоре – в 1860 г., после публикации «Семейного счастья» (1859), испытывая глубокую неудовлетворенность своими литературными занятиями, писатель вновь ненадолго уезжает за границу, а по возвращении открывает новые школы, выпускает педагогический журнал «Ясная Поляна», но начинает понимать, что его главное призвание – литература.

Чтобы отдаться литературным занятиям сполна, Толстой полагает, что ему необходимо переменить образ жизни – жениться. В 1862 г. он женится на Софье Андреевне Берс.

Его представления о браке были столь же максималистски, как и представления о требованиях к литературному тексту: муж и жена должны быть единой симбиотической личностью. Поселившись после свадьбы в Ясной Поляне, писатель обращается к повести «Казачьи», к которой постоянно возвращался с 1853 г., и публикует ее в 1863 г. с подзаголовком «Кавказская повесть 1852 года», подчеркивая документальную основу произведения: повесть «должна была быть посвящена части его жизни, еще не отраженной в художественных произведениях» (с.46–47), – отношениям с замужней крестьянкой Аксиньей Базыкиной в 1858–1860 гг., отмеченных сочетанием неукротимого вождения и почти физиологического отвращения.

В 1863 г. Толстой приступает к созданию своего *magnum opus* – роману из времени 1810–1820-х годов. В период великих реформ после отмены крепостного права Толстой, «как всегда, пошел против течения. Запершись в Ясной Поляне, он воображал героическое прошлое, когда дворяне и

крестьяне могли понимать друг друга, и пытался воссоздать это взаимопонимание в совершенно иную эпоху и при радикально изменившихся обстоятельствах» (с.76). Согласно распространенной точке зрения, декабристские общества своим появлением обязаны духу свободы, принесенному русской армией из заграничного похода. Но Толстой обрывает повествование на изгнании французов из России: дух свободы, считает он, вовсе не был принесен из-за границы – он возник в ходе войны, благодаря единению дворян и народа.

Свой рассказ об истории наполеоновских войн Толстой хочет обосновать не историческими документами, но, прежде всего, своим личным опытом – «никто никогда не скажет того, что я имел сказать», полагая, что законы общего движения истории можно открыть, «сосредоточившись на художе[ственном] воспроизведении собственных воспоминаний» (цит. по с. 78). Но если в «Детстве», «Севастопольских рассказах», «Казаках» достоверность обеспечивалась квазиавтобиографическим наблюдателем, то теперь, отмечает А. Зорин, стояла задача «представить события, происходившие за полтора-два десятилетия до его рождения, как собственные воспоминания. Чтобы достигнуть этого, Толстой пишет народный эпос как семейную хронику» (с.79).

Разделяя себя между Пьером – добрым, эмоционально лабильным, женолюбивым, стремящемся к самосовершенствованию и восхищающемся природной мудростью русских крестьян, и князем Андреем – надменным аристократом, с наполеоновскими амбициями и жаждой славы, Толстой решает две экзистенциальные проблемы, мучавшие его всю жизнь: «Пьеру предстояло научить автора и читателя, как справиться с силой сексуальных влечений, Андрею – как смотреть в лицо смерти» (там же). И та, и другая проблемы разрешаются – у Пьера в браке, у князя Андрея – в предпочтении вечной жизни и небесной любви перед личным существованием и земной любовью. Толстой «награждает светлым уходом героя, воплощающего возвышенную часть его души, в то время как ее земная половина получает

возможность наслаждаться плотскими утехами в законном браке... Роман завершается победой земного над небесным, посюстороннего над потусторонним» (с.80).

Разрабатывая в «Войне и мире» оригинальную историософию, согласно которой правители и полководцы только делают вид, что управляют массами людей, но на самом деле подчинены их кумулятивной воле, Толстой по-новому подходит и к человеческой психологии: «описать улей истории было невозможно, не восстановив траектории отдельных пчел» (с.81). Он ставит под вопрос традиционное представление о единстве человеческой личности и ее неподверженности изменениям с течением времени: «прошлое человека реально меняется с изменением его настоящего. Именно такая перемена и происходит с Пьером» (с.83).

Известно высказывание Толстого по поводу своей любимой героини – Наташи Ростовой: «Я взял Таню, перетолок ее с Соней, и вышла Наташа» (цит. по с.85). Таня – Татьяна Берс (в замужестве – Кузминская), младшая сестра Софьи Андреевны; события из ее жизни по ходу написания романа давали для него богатый материал. Присутствие Софьи, замечает А. Зорин, ощущается только в эпилоге, когда Наташа становится ревнивой и властной женой и заботливой матерью. В основной же части романа как источник вдохновения безраздельно господствует исполненная чувства полноты и радости жизни Таня.

Толстой оказал исключительное влияние на формирование личности Татьяны, а ее мемуары хорошо показывают насколько она усвоила себе образ Наташи Ростовой. И хотя как для Толстого, так и для Татьяны «любая мысль о связи была бы совершенно непредставимой, – пишет исследователь, – ... трудно заподозрить вечно копавшегося в себе Толстого с его обостренной психологической проницательностью в том, что он “не отдавал себе отчета” в собственных чувствах. Можно, пожалуй, сказать, что “Война и мир” представляет собой самое длинное и изощренное признание, которое мужчина когда-либо делал женщине» (с.90).

Жажда жизни рассматривается в «Войне и мире» как творческая и благая сила, однако во второй части эпилога, по мнению А. Зорина, уже заметно влияние А. Шопенгауэра. Идеи немецкого философа увлекли Толстого, пережившего августовской ночью 1869 г. в гостинице города Арзамас невыносимый ужас страха смерти, которой, как полагал Толстой, «не должно быть», но которая составляла единственную реальность. Идея Шопенгауэра о подсознательной «воле к жизни», порождающей иллюзорные цели, при том, что жизнь, как писал Шопенгауэр, – «такое предприятие, которое не окупает своих издержек» (цит. по с.97), способствовала происходившей в Толстом переоценке ценностей.

Самой сильной человеческой иллюзией Шопенгауэр считал любовь, за которой стоит стремление производить себе подобных. Действительная цель любви индивидуумов, по Шопенгауэру, «чужда им самим, потому что она заключается в рождении индивидуума, который может произойти только от них» (цит. по с. 110). Избыток сексуальности – один из главных вопросов жизни Толстого, женившегося с убеждением, что брак оправдывает и освящает половое влечение. Теперь ему начинает казаться, что сама сексуальность подрывает институт брака. Он «раскаивался в развратной добрачной жизни, которая отравила его душу и принуждала теперь развращать собственную жену, возбуждая в ней плотские желания» (с.109). После завершения «Войны и мира» Толстой записывает в феврале 1879 г.: «Связь мужа с женою не основана на договоре и не на плотском соединении. В плотском соединении есть что-то страшное и кощунственное. В нем нет кощунственного только тогда, когда оно производит плод. Но все-таки оно страшно, так же страшно, как труп. Оно тайна» (цит. по с. 109).

В своем втором романе «Анна Каренина» (1873–1877) писатель решал не только личные проблемы – когда все явственнее обнаруживался разрыв в его собственной семье, но и литературные: это был его ответ на «Мадам Бовари» Г. Флобера. Он «поднял перчатку и взялся представить свою версию истории любви, адюльтера и самоубийства» (с.112).

В первых редакция Анна – в духе шопенгауэровского женоненавистничества – представлена похотливой самкой вне законов нравственности, однако по мере работы замысел усложнялся: роман превращался в античную трагедию рока. «Действительно, – пишет А. Зорин, – если “воля к жизни” или “сила жизни”, как называл ее Толстой в эпиграфе к одной из глав, непреодолима, то кто и на каком основании может судить Анну, которая была в замужестве принесена в жертву на алтаре сексуальности и лишена того избавления, которое давали Кити или Долли частые беременности и роды... В окончательном тексте Анна не оправдана, но ее схождение в ад приобретает черты трагического величия» (с.113–114).

Изображая публичное осуждение Анны в поворотном для ее отношений с Вронским эпизоде посещения театра, Толстой очень преувеличивает стигму: поступки Анны скандальны, но не уникальны для той эпохи. Рев осуждения в театре «многократно усилен внутренним голосом самой Анны, Фурии, определяющие ее судьбу, доводящие ее до полубезумного состояния и в конце концов толкающие на рельсы, живут в ее собственной душе» (с.115). И все же, замечает исследователь, от кого исходит воздаяние, постигшее Анну, остается неясным: от библейского Бога или божества плотской любви.

Если в «Войне и мире» смерть представала как естественная часть круговорота жизни, то в «Анне Карениной» «одни смерти только порождают другие: самоубийство Анны побуждает Вронского искать гибели на войне, кончина брата доводит Левина до чувства абсолютной безысходности, от которого его спасает только верующий крестьянин» (с.119).

В этом романе, завершающемся духовным обращением Левина (причем о своем религиозном откровении Левин решает не говорить Кити – семье как единой личности больше нет), Толстой «описывал свои духовные поиски почти в режиме реального времени. Левин пришел к вере примерно тогда же, когда и автор. Доведя повествование до конца, Толстой

окончательно пришел к выводу, что только Бог может вернуть смысл человеческому существованию в мире, пронизанном смертью» (с.129).

Толстой, полагавший, что подлинная религия не нуждается в церковных институтах и сложных догматах и что ни одна из христианских деноминаций не сохранила верность евангельскому духу, задумал создать новую религию, основанную на духе Евангелия и Нагорной проповеди, отвергающую Деяния Апостолов и Апокалипсис, непорочное зачатие, Святую Троицу и воскресение. С 1879 по 1882 год он работает над теологической трилогией: «Исповедь» – о своем пути к пониманию подлинных ценностей христианства; «Исследование догматического богословия» – опровержение официального православия; аннотированный перевод четырех Евангелий, дополненный «Кратким изложением Евангелия». Развернутое изложение собственных взглядов Толстой дает в трактате «В чем моя вера?» (1883–1884). Божественность Христа, историю которого он воспринял как историю незаконнорожденного ребенка и бездомного бродяги, определялась для Толстого тем светом, который он нес в мир, тем, что «его слова и жизнь были абсолютным воплощением божественной мудрости и потому полностью отвечали вечным критериям разума и нравственности» (с.134). «Учение Христа», по Толстому, состояло из пяти заповедей. Первая – жить со всеми в мире и не называть никого «пропащим или безумным». Вторая – запрет прелюбодеяния, в том числе развода и повторного брака. Третья – не противиться злу насилием, даже при угрозе жизни. Пятая – не считать других людей враждебными или чужими и делить их на племена.

Любое государство, считал Толстой, предполагает иерархию и власть одних над другими, нарушая установленные Богом и природой свободу и равенство. Самое страшное зло человеческой истории – воинская служба. Никакое преступление не может караться наказанием, основанным на насилии. Людям следует подчиняться лишь законам, установленным Богом, но и к их исполнению не следует принуждать.

В 1881 г. Толстой ввиду необходимости дать образование старшим детям покупает дом в Москве. Он своими глазами видит ужасающую нищету и деградацию городских низов, пополнившихся после отмены крепостного права за счет перебравшихся в город крестьян. Желая глубже понять истоки социального зла, в 1882 г. писатель принимает участие в переписи населения. Он начинает работу над трактатом «Так что же нам делать?» (1882–1886), пытаясь соединить свое религиозное учение с социальной практикой, и приходит к выводу, что в таком положении вещей виноват образ жизни высшего сословия с его искусственными потребностями. Призывая господствующие классы отказаться от своих привилегий, он делает это сам, кардинально меняя свою жизнь и давая новые поводы для углубления семейного конфликта.

Самым духовно близким человеком для Толстого с этого времени становится В.Г. Чертков, в издательстве которого «Посредник», выпускавшем дешевые книги для народа, писатель публикует свои переработки народных сказок и притчи религиозно-моралистического характера. В это же время для образованного читателя Толстой пишет повесть «Смерть Ивана Ильича» (1884–1886), отмеченную глубоким синтезом нравственной однозначности, присущей его сочинениям для «Посредника», с убедительным психологизмом. Обращаясь к теме смерти, всегда его волновавшей, Толстой приходит к выводу, что «жизнь каждого человека есть лишь крошечная капля в океане “общей жизни” и индивидуальная смерть представляет собой необходимое и освобождающее соединение с целым. Единственное проявление общей жизни, доступное человеку – это любовь» (с.154). Герой повести в конце испытывает чувство жалости к близким, которое позволяет ему почувствовать подлинную христианскую любовь, побеждающую страх смерти, несущую свет и превращающую смерть в радостное соединение с общей жизнью. Эта любовь не имеет ничего общего с плотским влечением, которое, по Толстому, даже

частично искупаясь зачатием и рождением, имморально даже внутри семьи: честного брака нет.

Собственная сексуальность была одним из наиболее сильных «противников» Толстого, с которым он долгие годы вел изнурительную борьбу. В своем «тайном дневнике» Толстой признавался, что «ни разу не изменил жене» и что его сопровождала «похоть по отношению жены скверная, преступная» (цит. по с.155). «Половой вопрос» получает осмысление в повести «Крейцера соната» (1887–1889), где, по наблюдению А. Зорина, «шокирующе новой» стала трактовка романтической любви как «социально приемлемого выражения похоти, средства скрывать правду, прежде всего от самого себя» (с.157).

Отношение Толстого к сексу исследователь ставит в общий контекст анархического мировоззрения писателя, рассматривавшего половой инстинкт как принудительную силу, в отличие от государства и церкви находящуюся внутри человека и лишаящую его сознательного контроля над собой. Человек, по Толстому, должен освобождаться от своей животной природы постоянным нравственным усилием.

К концу 1880-х годов писательская слава Толстого перешагнула за пределы России. К нему обращались за новым откровением со всех концов мира. Новое измерение его славе в 1891 г. придала борьба с голодом: писатель обратился с призывом к русской и мировой общественности и собрал более миллиона рублей на помощь голодающим. В это же время он работает над книгой «Царство Божие внутри нас», в центре которой – заповедь ненасилия.

В 1899 г. Толстой завершает роман «Воскресение», «ставший самым развернутым художественным воплощением его учения и самой широкой панорамой России не только в его творчестве, но и вообще в русской литературе» (с.182). Нескрываемое презрение к православной церкви, проявившееся в романе, привели к тому, что в 1901 г. Святейший синод

издал определение, осуждающее Толстого. В своем «Ответе...» Синоду Толстой подтвердил, что считает невозможным возвращение в православие.

Одним из самых знаменитых воззваний в истории мировой публицистики становится статья «Не могу молчать» (1908) – отклик Толстого на жестокие меры – повешения и расстрелы, с которыми проводились столыпинские реформы.

Толстой мучительно переживал несоответствие проповедуемых им идей собственному образу жизни. Он, пишет А. Зорин, «постоянно рвался освободиться от связывающих его уз, и чем болезненнее был разрыв, тем отчаяннее его тянуло вырваться... В начале 1880-х, когда он последовательно отказывался от церкви, собственности, денег, мяса, курения, алкоголя и т.д., стремление уйти из дома приобрело у него навязчивый характер» (с.216).

Если желание порвать с жизненным комфортом не представляло для Толстого проблемы в плане своего осуществления, то соблазны похоти и славолюбия таили для него куда бóльшую опасность. О борьбе с ними – пронизанная сдерживаемой эротикой повесть «Отец Сергей» (1898), где рассказ о безобразном грехе превращается в историю освобождения от порабощенности мирской славой. И «Отец Сергей», и такие шедевры, как повесть «Хаджи-Мурат» (1896–1904), драма «Живой труп» (1900) впервые были опубликованы лишь посмертно. Толстой не спешил печатать свои произведения как из-за домашних конфликтов по поводу авторских прав, так и из-за сдерживаемого писательского тщеславия.

В последние годы он составляет сборник высказываний религиозных и нравственных учителей от Лао-цзы до своих собственных, построенный по календарному принципу – «Круг чтения»; для менее грамотного читателя – компиляцию «На каждый день», затем – «Путь жизни», уже по тематическому принципу. Работу над книгой «Путь жизни» Толстой продолжает до самой смерти, включив в нее много собственных мыслей. Это, полагает А. Зорин, «возможно, самая личная книга Толстого с точки зрения

ее духовного содержания и самая безличная с точки зрения стиля. Он хотел отказаться от экспрессивной мощи своего пера и дать возможность неприкрашенной истине говорить самой за себя» (с.226).

Тем временем обстановка в семье обострялась. Передавший родным права собственности на имение, Толстой не имел возможности вмешиваться в дела, но крестьяне, пресса, толстовцы обвиняли его в том, что он прячется за спину жены. Скандальной была и ситуация с авторским правом – решение сделать свои труды общественным достоянием имело юридическую силу только при жизни автора, после его смерти все права должны были перейти Софье Андреевне. Под уговорами Черткова Толстой тайно составил заверенное юристом завещание, где передавал все права на произведения дочери Александре Львовне, своей надежной стороннице, и Черткову. Об этом стало известно Софье Андреевне, державшей мужа под постоянным контролем, читавшей его интимные записи. Чувство долга требовало терпеть, но жажда бегства нарастала...

Последними предсмертными словами Толстого были: «Оставьте меня в покое... Надо удирать, надо удирать куда-нибудь» (цит. по с.243).

Толстому «повезло с исследователями», заметил в уже цитированном интервью А. Зорин, перечисляя имена Б.М. Эйхенбаума, В.Б. Шкловского, С.Г. Бочарова, А.П. Скафтымова и выделяя работы зарубежных ученых – Ричарда Ф. Густафсона о религиозной философии Толстого, Г.С. Морсона о «Войне и мире». Можно сказать, что и на этот раз Толстому повезло. Перед нами – новый жанр биографического исследования, в котором, представлена, по сути, биография души писателя, отраженная в письменном слове и освещающая собой события внешней жизни. Читая произведения Толстого, А. Зорин читает его жизнь – в этом смысл названия его исследования.

Т.Г. Юрченко